

В. Г. Белинский

Общая риторика

Н. Кошанского.

Издание девятое...

Виссарион Григорьевич Белинский
Общая риторика
Н. Кошанского.
Издание девятое...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898605*

Аннотация

Рецензия на распространенный тогда учебник Н. Кошанского не только подвергает резкой критике содержание курса ретирики, построенного на устарелых представлениях о его предмете и задачах, но и развивает мысли Белинского об общественном назначении красноречия, ораторского искусства, подчеркивая, что цель его «всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами». Важное значение имели развитое здесь положение о стилистическом многообразии развивающейся литературной речи, критика устарелой, восходящей к поэтике классицизма, теории трех стилей. Взгляды Белинского по вопросам языка и стиля оказали несомненное воздействие на формирование стилистики русской реалистической литературы XIX в.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Общая риторика
Н. Кошанского.
Издание девятое...**

*ОБЩАЯ РЕТОРИКА Н. КОШАНСКОГО. Издание
девятое. Санкт-Петербург. В тип. Департамента
военных поселений. 1844. В 8-ю д. л. 106 стр.*

Наука – великое дело. В этом согласны все – от мудреца до безграмотного простолюдина. Ученье свет, неученье тьма, говорят наши русские мужички. В наше время эта истина становится аксиомою. Но и враги учения и наук еще не перевелись, и – что всего хуже – они не всегда неправы в своих нападках на ученость и ученых. Мы говорим не о тех противниках просвещения, которые только во мраке невежества и дикости нравов видят неиспорченность мысли и чистоту нравственности: нет, об этих изуверах обскурантизма, об этих чадах тьмы, об этих фанатиках и лицемерах ложно понимаемого добронравия не стоит труда и говорить. Но нельзя не обратить внимания на тех противников просвещения, которые вооружаются не столько против науки, сколько

против ученых; которые, основываясь на простом здравом смысле и на простом практическом чувстве, не теориею, а указанием на знакомых им ученых доказывают то пустоту и бесполезность, то даже вред учения. Объясним это примером. Положим, г. NN – человек не учившийся, но умный от природы, образовавшийся опытом жизни и не чуждый некоторой начитанности, повинуваясь духу времени, взял для своего сына учителя словесности. И вот учитель аккуратно является давать юноше уроки, проходит с ним грамматику, реторику, поэзию, логику. Кончен курс словесности; все довольны: сын – что узнал столько мудреных и полезных наук; отец – что выполнил свой долг; учитель – что образовал нового словесника. Но вдруг декорация переменяется. Отец определяет своего сына на службу и хочет, чтоб тот служил под его руководством. Для практики он дает ему составлять выписки из дел, задает ему писать разные бумаги официального содержания, – и что же? Он с удивлением видит, что во всех юридических опытах его сына бездна красноречия, троп и фигур не оберешься, а дела нет и признаков; слог отличный, поистине высокий, а что-нибудь понять в нем нет никакой возможности. В другое время он просит сына написать письмо о том-то и тому-то: та же история! Периоды круглые, с понижениями и повышениями; после предложения, начинающегося с «хотя», всегда следует предложение, начинающееся с «однако»; слово «кто» всегда соответствует слову «тот», и т. д.; но письмо тяжело, неприлично, неуклю-

же, как семинарист в обществе. «Что же это значит? – думает отец. – Сын мой не глуп, способности у него есть, в обществе он держит себя прилично и говорит как принято, а на письме – фразер, педант, надутый враль, тяжелый болтун. Учился он по хорошей книге, по «Реторике» г. Кошанского, которая везде принята за лучшее руководство и напечатана *девятым* изданием; учитель – человек известный, учит во всех домах и меньше десяти рублей за урок не берет; все это так, – но чему же выучился мой сын?» Далее отец замечает, что его сын, прошед полный курс словесности, следовательно, выучившись и поэзии, узнав и историю русской словесности, свысока рассуждает иногда о величии гения Державина, вскользь упоминает и о Пушкине, а между тем читает только новые романы и водевили, совершенно не интересуясь ничем иным. Зная название всех наиболее известных сочинений на отечественном языке, он только из некоторых читал отрывки, а большей части совсем не читал. И вот, делать нечего, отец спорит с сыном, кое-как переламывает его, приучает хорошо писать и деловые бумаги и письма. Сын стал хоть куда! Но тогда отец с удивлением замечает, что сын его исправился благодаря тому, что совершенно забыл, как вздор, все, чему учил его учитель словесности. Какое же отец должен вывести мнение из всего этого? – Разумеется, такое, что науки и ученье – вредный вздор. И он прав, тысячу раз прав: за него факт и, может быть, тысячи таких фактов. Какое ему дело рассуждать, что за наука – реторика, может ли

и должна ли она преподаваться и так ли ее преподают? Он знает, что риторике учат во всех училищах, что без риторики никого не признают ученым, знает, что его сын учился по риторике, изданной девятым изданием, везде принятой за руководство, – и в то же время он знает, что риторика – сущий вздор, не только бесполезный, но и страшно вредный.

Много можно привести таких примеров, доказывающих, что от учения люди часто ничего не выигрывают, а много проигрывают: выигрывают – тяжесть, сухость, педантизм, претензии, а проигрывают здравый смысл, живость ума, инстинкт истины, такт действительности. «Метафизик» Хемницера действительно бессмертная вещь: говоря об учении и ученых, часто поневоле вспомнишь о ней...

Но наука и ученье тут ни в чем не виноваты, потому что надо строго отличить науку и ученье от состояния, в котором наука и ее преподавание находятся в известное время и в известном обществе. Конечно, людям практическим, которые привыкли обо всем судить на основании здравого смысла и опыта, которые ценят вещи по их результатам, видят их, как они суть, а не так, как бы должны были быть, – таким людям мало дела до необходимости отделять злоупотребление науки от самой науки, – и они совершенно правы с своей точки зрения. И потому мы хотим поговорить здесь о риторике не для того, чтоб убедить практических людей в высоком достоинстве риторики вообще и «Риторики» г. Кошанского в частности, а для того, чтоб практические люди не презирали

всякой науки и всякого знания потому только, что риторика – вздорная наука и вредное знание.

Злоупотребление многих вещей происходит большею частью оттого, что люди смешивают между собою самые различные вещи. Так, например, чаще всего смешиваются у нас понятия: *наука* и *искусство*. Самое слово *наука* у нас неверно выражает заключенное в нем понятие. Простой народ наш правильнее употребляет это слово, говоря о мальчишке, отданном учиться сапожному ремеслу: *он отдан в науку*. То, что называется *scientia*, *science*, *Wissenschaft*¹, у нас должно бы называться не *наукою*, а *знанием*. Наука ничему не учит, ничему не выучивает: она дает знание законов, по которым существует все существующее; она многообразие однородных предметов приводит в идеальное единство. Искусство имеет более практическое значение: оно больше способность, талант, *умение* что-либо делать, нежели знание чего-либо. Искусства бывают двух родов: творческие и технические. Деятельная, производительная способность в первых бывает в людях, как дар природы; учение и труд развивают этот дар, но самого дара не дают тем, кому не дано его природою. Технические искусства даются людям *наукою* в том смысле, как понимает это слово простой народ, – в смысле практического учения, изучения, навыка. И в творческих искусствах есть своя техническая сторона, доступная и бездарным людям: можно выучиться писать легкие и гладкие сти-

¹ *scientia* (лат.), *science* (фр.), *Wissenschaft* (нем.) – наука. – *Ред.*

хи, разбирать ноты и лучше или хуже разыгрывать их, срисовывать копии с оригиналов и т. п., но поэтом, музыкантом, живописцем нельзя сделаться учением и рутинною. Все, что существует, существует на основании неизменных и разумных законов и потому подлежит ведению науки (знание), следовательно, и искусство подлежит ведению науки, но не иначе, как только предмет знания, а совсем не как предмет обучения, то есть мастерство, которому можно выучиться посредством науки. Искусствам учатся – это правда, особенно таким, в которых техническая сторона преимущественно важна и трудна; но здесь учение особенного рода – учение практическое, а не теоретическое, учение не по книге, а по наглядному указанию мастера. Таковы и все технические искусства, все ремесла. Напишите самое ясное, самое толковитое руководство к искусству шить сапоги, – самый понятливый и способный человек в пятьдесят, во сто лет не выучится по вашей книге шить сапоги так хорошо, как бы выучился он в несколько месяцев у хорошего мастера, при посредстве его наглядных указаний и своего упражнения и навыка. В таком точно отношении находится наука к искусству. Иной эстетик-критик судит лучше художника о произведении самого этого художника, но сам не в состоянии ничего создать. В сфере искусства ученый *знает*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания